

Борис Поломошнов

Химера воспитания

Борис Поломошнов

Химера воспитания

Книга «Химера воспитания» Бориса Поломошнова перевернет все ваши представления о воспитании.

Во всех формах *Воспитания* — существовавших, существующих и могущих существовать — автор усматривает одно и то же: целенаправленное волевое **воздействие** одних людей — *воспитующих* — на сознание других — *воспитуемых*. Такое действие противно самой сущности человеческих отношений.

Вместо воспитания как системы воздействия автор **предлагает** действенную, эффективную, жизнеспособную и человеческую **систему взаимодействия**. В ней отношения иерархии заменяются партнерством, страх — взаимоуважением, диктат — взаимопониманием.

Предназначается книга папам и мамам — как уже состоявшимся, так и еще только будущим, а также всем, кто интересуется психологией воспитания и формированием личности.

Содержание

#1.....	0005
#2.....	0007
Вместо предисловия.....	0008
Глава I «The terrible child» — «Ужасный ребенок» . .	0012
Глава II «Insufferable child» — «Несносный ребенок»	0033
Глава III «Child-destroyer» — «Ребенок-разрушитель»	0052
Глава IV «Ungrateful child» — «Неблагодарный ребенок»	0088
Глава V «Aggressive and, moreover, a stubborn child» — «Агрессивный и притом упрямый ребенок»	0112
К «Химере Воспитания» Пропущенные главы	0123
#1.....	0123
Глава № N «Capricious child» — «Капризуля»	0123
Глава № NN «Bad friends» — «Скверные друзья» . .	0142
Послелюдия к первым главам и прелюдия к последующим	0152
Глава VI «O tempora, o mores!», — «О времена, о нравы!»	0154
Глава VII «Qui prodest?» — «Кому это выгодно?»	0171
Глава VIII «Nec de amissione dolendum» — «Утрата без скорби»	0205
Глава IX «Sancta locus numquam uasua» - «Свято место пусто не бывает»	0238
Глава X «Ubi output?» — «Где выход?»	0265
Глава XI «Mundus advenientis» — «Мир входящему»	0284
Глава XII «Relatives Chimeras Education, which are close to her in the spirit» — «Родственники Химеры Воспитания, близкие ей по духу»	0323
Глава XIII «Other relatives Chimeras of Education» — «Другие родственники Химеры Воспитания»	0365
Глава XIV «The most Ambiguous Kinswoman Chimeras	

Education» — «Самая неоднозначная родственница Химеры Воспитания»	0400
« Somniatis mira nox» — «Сон в чуждую ночь» (вместо послесловия)	0446

Моему сыну и другу Егору посвящается

Автор выражает свою искреннюю признательность «заказчикам» данного проекта и притом — суровым критикам его предварительного текста — преимущественно своим студентам разных лет: Руслану Баранову; Марии Борисенко; Дарьи Вдовиченко; Александру Герасимчуку; Яне Гордиенко; Натальи Даценко; Евгению Дмитриеву; Марии Егоровой; Вячеславу Жуку; Анне Корнильевой; Станиславу Корнильеву; Игорю Корховому; Ирине Коршуновой; Александру Костюченко; Евгении Крюковой; Ивану Лещенко; Ольге Макухе; Денису Майданнику; Инне Манько; Наталье Маткивской; Екатерине Махлай; Ивану Мацюку; Евгению Минченко; Евгении Мицай; Алле Мовчан; Илье Новикову; Богдану Осьмирко; Владимиру Пасюте; Татьяне Пихоте Инне Полищук; Богдану Половинскому; Марии Поломошновой; Олегу Редьке; Елизавете Романовой; Наталии Рощаловой; Анне Турбинской; Анастасии Филоненко; Виктору Филоненко; Светлане Шостак; Татьяне Шпур; Максиму Цвелодубу; Артему Полищуку, Alyona Gureu, Валентине Буковской, Елене Литвиненко и Анастасии Якуш.

Ну что? Начнем ВОСПИТЫВАТЬ этого мальчика, или пусть пока поживет как человек?

«Детей нет. Есть люди».
Януш Корчак.

Вместо предисловия

Дети — не приручаемые дикие животные, нуждающиеся в дрессировке.

Каждый ребенок — не недочеловек.

Не псевдо/человек.

Не эрзац/человек.

Не будущий когда-нибудь — в более или менее отдаленном грядущем — человек.

Он — уже человек.

Страдающий и радующийся.

Рану́мый и уязвимый, как, может быть, никто другой на Свете.

Остро чувствующий отношение к себе окружающих и искренне относящийся к ним.

Далеко не все знающий, но — узнающий.

Далеко не все понимающий, но — стремящийся понимать.

Открытый для сострадания к другому и для соперничества с другим.

Он — Уникальная Вселенная, вмещающая в себе всю необъятную Универсальную Вселенную — вот ведь какой парадокс!

И вот на это-то Чудо Мироздания обрушивается — со всей своей когтисто-лапистой и клыкасто-пастистой хищной силой *Химера Воспитания* — «чудище обло, огромно, стозевно и лайяй».

За что?

Почему?

Для чего?

Для кого?

Разберемся.

Впрочем, а кто сказал, что Воспитание — это ка-

кая-то *Химера*?

Может быть, это наоборот — Херувим?

С крылышками.

Как у мотылька.

И с венчиком.

Из одуванчиков.

И разносит он исключительно приятности.

Послушным.

По принципу: «Будешь папу с мамой слушать, будешь ты конфеты кушать».

Почему бы, собственно говоря, и нет?

Или, наоборот, строгий, но справедливый, как закон Ома, дядька Черномор.

Вон у него, сколько воспитанников: аж тридцать три, и «все равны, как на подбор».

Чем плохо?

Все у него за всё получают по заслугам: провинился — кнутом, исполнил всё, как велено, — отведай пряника.

Печатного.

Доставленного чартерным волшебным рейсом ковра-самолета прямо из самой Тулы.

Вместе с самоваром.

Чтобы было из чего чай гонять, да чем пряник печатный запивать.

Красотища!

Казалось бы.

Но есть одна закавыка: уж слишком наш воспитуемый при этом смахивает на пресловутую собаку лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова с ее условными рефлексами: «Дают — бери!», — хоть объедок с барского стола, хоть обносок с барского плеча, и: «Бьют — беги!», — пока насовсем

не убили.

Для дрессировки животных — вполне приемлемо.

Для человека же — оскорбительно.

И — унизительно.

Если он — Человек.

Ребенок же и есть Человек.

Хотя и маленький, но — с большой буквы.

Ведь взрослый — это тот же ребенок, только — значительно хуже.

Сомневаетесь, уважаемый Читатель?

Тогда купите билет на любой спектакль кукольного театра.

Посетите.

И сравните свою собственную реакцию на происходящее на сцене с реакцией любого ребенка.

Догадались о последствиях?

Догадались.

В худшем случае Вам станет завидно.

В лучшем — стыдно.

За себя.

Куда-то исчезнет Ваше снисходительно-менторское отношение к «братьям и сестрам нашим меньшим», и останется блуждать на Вашем лице лишь растерянная улыбка: и когда это я успел растерять все то чистое, светлое, искреннее и непосредственное восприятие Мира, которое ведь и у меня когда-то было?

И куда это все улетучилось-то?

Господи, и какие же они все... настоящие!

В отличие от нас, взрослых.

Увы, уже давно и далеко не-настоящих.

Тем не менее, их-то, настоящих, *воспитывают.*

Кто??

Взрослые.

То есть, не-настоящие.

Как же так??!

Надо, надо таки разбираться.

Глава I

«The terrible child» — «Ужасный ребенок»

«Иногда я думаю, что дети — это чудовища, которых дьявол вышвыривает из преисподней, потому что не может совладать с ними».
Рэй Брэдбери. Поиграем в «Отраву».

«Да что там разбираться!», — с праведным гневом, искренним возмущением и бурным негодованием воскликните Вы, уважаемый/уважаемая Читатель/Читательница.

И добавьте: «Да откройте свои глаза! Да снимите свои розовые очки в перламутрово-мутной оправе! Да посмотрите, наконец-то, вокруг не-вооруженным, но пристальным взглядом! Сколько кругом околачивается не-совершеннолетних, но уже совершенно конченных отморозков, малолетних садистов и полных дебилов, которым хоть кол на голове теши, а они будут только нагло ржать вам в лицо, да и то — в лучшем для вас случае. Да какие там кукольные театры! Им лишь бы где-то «уколоться» или с полиэтиленовым кульком на голове понюхать клею. Сегодня они — просто шпана, а завтра станут закорре-

нелыми преступниками-рецидивистами. Изолировать их надо от общества и проводить с ними в местах изоляции предельно жесткую воспитательную работу. Чтобы другим неповадно было. Как они с нами, нормальными, так и мы с ними, ненормальными. И нечего с ними цацкаться-панькаться-нянькаться».

Вот так-то.

Коротко и ясно.

Сорняки, как говорится, под корень.

Выкорчевывать.

Из нормальных учебных заведений для нормальных детей.

И пусть ими занимается система пенитенциарных учреждений.

Так?

Так именно так уже сделано.

И именно так они и называются: *воспитательные колонии*.

Система *воспитательных учреждений для воспитания трудновоспитуемых* создана и функционирует вот уже много лет как.

По всей нашей, богатой на все, а, особенно, на страдания, стране.

Для лиц каждого пола — отдельно.

К услугам *дефективных и социально опасных* подростков мужского пола предоставлены *воспитательные колонии*: Ковельская (Волынская область); Перевальская, что в поселке Селезневка Перевальского района Луганской области; Дубенская (Ровенская обл.); Павлоградская (Днепропетровская обл.); Кременчугская (Полтавская обл.); Куряжская, что находится в селе Подворки с ближайшей к нему желез-

нодорожной станцией Куряж (Дергачевский район Харьковской области); Бережанская (Тернопольская обл.); Самборская (Львовская обл.); Прилукская (Черниговская обл.).

Для осужденных (особый шик пенитенциарного сленга) несовершеннолетних лиц женского пола уготовано пребывание в Мелитопольской (Запорожская обл.) воспитательной колонии для девочек (официальное ее название).

Вы этого хотели?

Получите.

Спецподарок.

Вам.

От государственной пенитенциарной службы.

Рады, как говорится, стараться.

И *благонравные родители* своих *благопристойных детей* — тоже рады: не будут их чада якшаться со всякой швалью.

А дирекции и *нормальные члены педагогических коллективов* нормальных школ для нормальных детей рады особенно.

Вполне понятно — почему.

А те, кто не рады, те — *ненормальные*.

И то, что они не рады — это их личные проблемы.

На то они и *ненормальные*.

И все же...

Расскажу-ка я Вам одну быль, а может — *небыль* — судите сами.

Про одну *ненормальную*.

И сами же сделаете вывод о том, насколько она *ненормальная*.

Не возражаете?

Не возражаете.

В таком случае — то ли бль, а то ли небль.

Жила-была в городе N учительница младших классов.

Звали ее, говоря почти условно, Екатерина Александровна.

Работала она в школе № NN.

Известна она была всему городу N.

Тем, что в ее класс «сбрасывали» со всего района всех *обормотов и оболтусов, конченных малолетних отморозков, садистов и дебилов.*

И всех их она в свой класс принимала.

Для детской комнаты милиции она была настоящей находкой.

Для директора же школы № NN — сплошной головной болью, доводящей его до отчаяния, истерики и иступления:

— И *этого* Вы берете?! Куда??!! У Вас в классе и так уже почти пятьдесят человек!!!

— Пусть ребенок учится.

— Так это же не ребенок! Он — чудовище! Он уже затерроризировал и учеников, и педагогические коллективы всех тех школ, в которых он до этого пребывал, и в которых он непременно оставался на второй год! Он же бил не только учеников, в том числе, и старшеклассников, но и — страшно сказать — учителей! (В общем, не просто «бьяка», а «бьяка из бьяк», практически — «кака», или даже малолетний «бабай»).

— У нас такого не будет.

— Вы уверены?

— Более чем.

— Ну, как знаете. В случае чего — пеняйте на се-

бя.

— Будьте покойны.

Надо сказать (по секрету), что именно к этой учительнице не только приводили в класс самых отъявленных хулиганов и беспросветных неучей со всего района, но и привозили из самого центра города *дитятей* высокопоставленных чиновников, чьи жены уже совсем отчаялись от безнадежности своих попыток хоть как-то влиять на своих неуправляемых чад.

Естественно, их Екатерина Александровна тоже принимала в свой класс.

Заметьте, без какой бы то ни было мзды.

Что по нынешним временам выглядит, по меньшей мере, как-то странновато, но ведь на то она и *ненормальная*, не так ли?

Зато результаты были ошеломляющими.

Не то, чтобы непослушные становились послушными, нет: ни послушными, ни покорными, ни смиренными, ни подобострастно заискивающими перед *старшими* они не становились, но Екатериной Александровной *это* и не вменялось им в обязанность.

Они — *всего-лишь-навсего* — раскрывались как полноценные личности.

Избавившиеся от всего того, что на языке *воспитательной науки* называется *деструктивной ориентацией* и *девиантностью поведения*.

Если словосочетание «всего лишь» здесь уместно.

Но возвратимся, однако, к нашему «суперхулигану» и «сверхоболтусу».

Звать его, как и известного персонажа многочисленных анекдотов про *трудновоспитуемых* «тиней-

джеров», Вова.

Естественно, без сардонически-саркастического «чка».

Какой уж тут сарказм — один *Вселенский Ужас!*

Фамилия этого ужастика — Ш. — обозначим ее так.

Итак, Вова Ш. в сопровождении молоденькой — только после окончания милицейской академии — сотрудницы детской комнаты милиции — лейтенантки по фамилии..., впрочем, это не важно, явился в первый раз в свой новый — четвертый «Г» класс школы № NN.

Место на «галерке» ему предупредительно было предоставлено.

Как и повышенный интерес к нему со стороны новых одноклассников: ведь слухи о его будущем появлении циркулировали по всей школе уже за долго до самого его появления.

«И что-то сейчас будет?!», — затаив дыхание, замерли в ожидании все присутствующие.

К глубокому разочарованию всех любителей сенсаций ничего экстраординарного не произошло.

Урок как урок.

Все — как обычно: в меру напряженно; без меры увлекательно.

Ну, представили классу нового ученика.

Ну, девочки обменялись — шепотом и буквально двумя словами — своими впечатлениями по поводу прически и прочего антуража *милиционерки-лейтенантки*.

Впрочем, очень быстро внимание учеников переключилось и с нее, и с Вовы Ш. на выполнение классных (в обоих смыслах этого слова) заданий.

И продолжалось все именно так практически до самого звонка.

А со звонком, собрав тетрадки для проверки выполнения классного задания, Екатерина Александровна ровным голосом, таящим в себе непонятно какой смысл, попросила подойти к своему столу Вову Ш.

Все замерли.

Совершенно буднично Екатерина Александровна предложила Вове Ш. собрать его книжки-тетрадки и сказала, что сейчас он пойдет вместе с ней.

Куда — не сказала.

В общем-то, для Вовы Ш. процедура эта была достаточно привычной:

«С вещами — на выход», — типичная преамбула к его походам в «места, не столь отдаленные».

Например, в кабинет, где, в окружении портретов выдающихся педагогов вообще и воспитателей в частности восседает «Первый после Бога» в школе — ее директор.

Так что в самой фразе относительно того, что «с вещами», ничего необычного для Вовы Ш. не было: сплошная рутинка.

Необычность же ситуации, при которой было сказано сказанное, скажем прямо, озадачила Вову Ш., ведь обычно он знал, если и не точно, то, во всяком случае, в значительном приближении, за что именно его сейчас ожидает то, что его сейчас ожидает.

А тут — «нате Вам, здрасьте», — «еще ничем-ничего», а уже — «с вещами».

За что, спрашивается, ведь ничего же еще не сделал?

Более того, он еще даже не успел подумать: «А чего бы тут *такого* наделать?», — как уже: «С вещами».

Не страшно, конечно, — и не такое бывало, но — странновато как-то.

Странности продолжались.

Вместо того чтобы подниматься на второй этаж, где непосредственно располагается обитель «Первого после Бога» в школе — ее директора, Екатерина Александровна в сопровождении Вовы Ш. вышла из здания школы.

И — под недоуменным взглядом, неизвестно из какого материала слепленного бюста, установленно-го в честь одного из *светил Воспитания*, — пошли они по посыпанной гравием дорожке в направлении *из школы*.

Помолчали.

Какое-то время.

В конце концов, нервы у Вовы Ш. не выдержали, и он спросил:

— А куда это Вы меня ведете?

— Хочу познакомить тебя с моими внуками.

И тут Вова Ш., выражаясь сленгом обычного его окружения, что называется, «прозрел»: «Так у нее же фамилия — точь-в-точь такая же, как у двух местных знаменитостей — чемпионов всего-всего по боксу среди своих сверстников.

Один из них — «в тяже», другой — «в полутяже».

«За что?», — в отчаянии почти вырвалось у Вовочки, то бишь, у Вовы Ш.

«Будут бить», — догадался он.

«Что ж, буду сражаться до конца, каким бы он ни был», — таково было его мужественное решение.

Как у Белого Клыка из книжки, ни названия, ни автора которой ему узнать до сих пор не удавалось, поскольку досталась она ему уже без передней обложки и без первых страниц, но которая ему очень понравилась.

Единственная — изо всех тех, что ему попадали в руки.

Пока Вова Ш. молча и горестно размышлял обо всем этом, оказалось, что они уже пришли.

К месту назначения.

Им оказался ничем не примечательный снаружи дом в, что называется, «частном секторе».

Помните: «Садок вишневый коло хати, хрущі над вишнями гудуть...»?

Вот как раз такой оказалась обитель Екатерины Александровны, проживающей тут вместе со своим семейством.

Довольно многочисленным.

Включая внуков-боксеров юношеского возраста, учащихся с/ш № NNN.

«А почему не в с/ш № NN?», — спрósите Вы.

А потому что не в обычаях семьи Екатерины Александровны было «разводить семейственность».

Разводила же она в крохотном палисаднике перед своим домом цветы.

Преимущественно — георгины.

И первого сентября, когда цены на цветы на базарах взлетали до заоблачных высот, а в цветочных магазинах все куда-то внезапно исчезало, можно было зайти во двор к Екатерине Александровне и попросить у нее букет.

Сама нарежет и сама скомпонует.

Совершенно безвозмездно.

То есть, даром.

Вот такое у нее было увлечение.

А еще — «куховарить».

Для всей своей большой семьи.

А еще — книги.

Которых в семье у них было — не счесть.

Приступив на кухне ко второму своему увлечению — готовить «первое», «второе» и компот, Екатерина Александровна предоставила свою библиотеку в полное пользование Вове Ш.

Вот тут-то он и увидел впервые обложку своей любимой книги, и узнал, наконец, ее автора.

Однако, обед готов.

Тут как раз и внуки Екатерины Александровны подросли.

Познакомились с Вовой Ш.

Вчетвером пообедали.

Помыли-повытирали посуду.

Стали заниматься делами.

Каждый — своими.

Братья — готовить домашние задания.

Самостоятельно.

Вова Ш. — готовил свои «уроки» с помощью своей же учительницы.

Приготовили «уроки».

Теперь — в путь.

На тренировку.

По боксу.

Втроем.

Братья-чемпионы и их новый друг.

Понятно, что у последнего спортивной формы не было.

Ни в прямом, ни в переносном смысле.

Не беда.

Братья, покопавшись в своих запасниках, выделили своему новому другу все необходимое.

Познакомили со своим тренером.

«А поворотись-ка, сынку, экий ты худой какой!», — была его первая, почти по гоголевскому Тарасу Бульбе — реакция на анатомо-морфологические параметры Вовы Ш.

«Ну, ничего. Были бы кости, а «мясо» нарастет. Руки длинные. Координация есть. Будешь стараться — будет толк. Завтра принесешь медицинскую справку», — таковой была реакция вторая.

Вове Ш. очень хотелось сказать, что он очень, очень будет стараться.

Что будет стараться так, как никто никогда не старался.

Но — постеснялся.

Понял, что среди настоящих мужчин многословие не в чести.

По древней славянской традиции: «Не хвались, на рать идучи,...».

После тренировки братья-чемпионы и Вова Ш. шли вместе.

Вместе подошли к калитке подворья, где проживал Вова Ш. со своими родителями и младшей сестренкой.

«Ты погуляй пока. Мы быстро», — сказал старший из братьев.

И — действительно.

Буквально через несколько минут братья вышли.

За ними вышел стодвадцатикилограммовый двухметровый детина, весь в «наколках», самая приличная из которых: «Нет счастья в жизни», — папа-

ша Вовы Ш.

О чем там у них был разговор, в какой форме он проистекал, можно лишь догадываться.

Только глаза у вышедшего на крыльцо своего дома папаши были растерянные и даже, можно без преувеличения сказать, несколько ошалевшие.

Как у персонажей гоголевского «Ревизора» в финальной сцене пьесы.

Немой сцены.

А теперь — некоторые комментарии к ней.

И, кстати, ко всем тем странностям, свидетелем и участником которых в этот день был Вова Ш.

А также — к тем необычностям и непривычностям, по крайней мере, для обычного человека, живущего в привычных для него социальных координатах, где *воспитующие* воспитывают *невоспитанных трудновоспитуемых*, или же, по крайней мере, пытаются это делать, или же — делают вид, что пытаются: «Ведь все равно бесполезно».

Как только возник вопрос: «Быть или не быть Во-ве Ш. в 4-м «Г» классе школы № NN?», — Екатерина Александровна собрала всю необходимую информацию об этом ученике.

Из разных источников.

Интересовало ее, прежде всего, почему он такой?

Выяснилось, что папаша Вовы и его младшей сестренки — немного поседевший и много «отсидевший» — регулярно и с остервенением бил и Вову, и его сестру, и их маму.

Бил специально предназначенным для этого куском резинового шланга — чтобы следов избиения не оставалось на теле истязаемого.

Бил как по любому поводу, так и без оногo.

Просто так.

Чтобы сорвать всю свою злость.

За свою неудавшуюся жизнь.

Вову же к тому же — в качестве *воспитательного* «know how» — закрывал на ночь в «туалете типа сортир», ведь все «удобства» у них были во дворе.

Там, кстати, и состоялось знакомство Вовы Ш. с повестью Джека Лондона «Белый клык», проколотой и повешенной на гвоздик в качестве туалетной бумаги в «отхожем месте».

После такой «отсидки» завтрак Вове не полагался.

И возненавидел тогда этот человек весь Мир.

И — все человечество.

Безотносительно к тому, прогрессивное оно или же, наоборот, регрессивное.

Глядя на других детей — хорошо одетых, вкусно и сытно накормленных, ухоженных, благополучных, идущих в школу с красивыми ранцами, в которых среди книжек-тетрадок умещалась еще и красивая спортивная форма «на физкультуру», и аппетитный *завтрак*, — Вова Ш. готов был завывать, со всей неизбывной тоской, как Белый Клык на Луну.

В этом невыразимом и беззвучном вое его души сосредоточилась вся невысказанная мировая скорбь Человека, вся его злость на беспредельную несправедливость Мира людей, с безгловым равнодушием отторгающего ни в чем не повинного изгоя.

Разве же Вова Ш. виноват, что у него *такой* отец?

Разве мог он что-то изменить при своем рождении?

Разве был у него выбор?

Так за что же теперь люди так относятся к нему, будто именно он виноват во всех последствиях своего, такого *неудачного*, рождения?

Ведь он, как и каждый другой Человек, хочет быть любимым и готов любить!

А его лишь либо ненавидят, либо — презирают, либо — брезгуют им.

И взбунтовалась его душа!

И вскрикнула от невыносимой боли его униженная и оскорбленная любовь к людям.

«Ах, так?!», — выдохнула она, — «Ну, погодите!».

И пошла Вовина душа вразнос.

И пустилась она «во все тяжкие».

И «допустилась» бы она, и «допустился» бы Вова Ш. до того, что стал бы заурядным *уголовником*.

И — в конце концов, умер бы от туберкулеза «на зоне».

Либо — в «лихие девяностые», — будучи «пушечным мясом» при «разборках» бандитских «бригадиров» получил бы в перестрелке «девять граммов в сердце».

На очередной «стрелке».

Либо спился бы окончательно, и окоченел бы «по пьяному делу» холодной ночью под каким-нибудь забором.

А может быть, повесился бы.

От неизбежной тоски и отчаяния, выпив перед этим *для храбрости* бутылку дешевого теплого пива.

Тут, как говорится, возможны варианты.

Ау-у!

Где вы, высоколобые *специалисты-профессионалы высшей квалификации*, с «ученым видом знатока»

пишущие учебно-методические пособия, и полным неизбывного пафоса голосом *чревовеещающие* с академических кафедр о «*воспитании трудного подростка*» и о «*детях с девиантным поведением*»?

И куда это вы все вдруг попрятались, не желая глядеть на бездыханное тело Вовы Ш., далеко еще не достигшего возраста Христа на кресте?

В каком-таком месте вы находитесь, вместе с вашим глубокобессмысленным словоблудием, облегшимся, *благодаря* вашему усердию, в псевдонаучную форму концепций «*не упускания из виду трудно-воспитуемого*» и «*держания его под постоянным пристальным контролем*» (читай — надзором) (см., например, «Воспитание трудного подростка: Дети с девиантным поведением. Учебно-методическое пособие». — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001)?

«Клевета!», — возмущенно воскликнут высоколобые блюстители и ревностные радетели разномастных концепций *Воспитания*.

«Никуда мы не прятались!», — гневно добавят они.

«Мы делали наши глубокомысленные умозаключения», — фундаментально и окончательно обоснуют они же свою же концепцию по поводу своей же позиции.

И засядут они за разработку очередных *методических и методологических рекомендаций* на предмет усиления «*держания под постоянным пристальным контролем*» (читай — надзором) *воспитуемых, особенно — трудновоспитуемых*.

По факту *девиантного поведения* подростка, завершившего суицидом свой совсем недолго продол-

жавшийся жизненный путь, руководящие, направляющие, организующие, контролирующие и санкционирующие органы Воспитания направят комиссию.

От подотчетных в срочном порядке они потребуют предоставления:

— планов мероприятий по проведению дополнительной Воспитательной Работы;

— графиков проведения соответствующих мероприятий и осуществления утвержденных планов;

— отчетов об осуществлении мероприятий и выполнению «планов по проведению дополнительной Воспитательной Работы».

Все это — по «полной форме».

С изданием директорских директивных приказов и доведением их до сведения подчиненных под личную роспись каждого из них.

С составлением и утверждением соответствующих протоколов.

И все — к такому-то сроку.

Чтобы комиссии было что проверять и писать о проверенном в своих протоколах.

Как любил говаривать Цицерон, «Epistule non erubescit», — «Бумага не краснеет» («Бумага все стерпит»).

Найдут, как это водится, «стрелочников».

«Влепят» им по выговору.

«С предупреждением».

Уф-ф!

Славно поработали!

Что называется, «в поте чела своего».

И пойдут они, высоколобые служители Химеры Воспитания, проникнутые чувством честно и добросовестно выполненного долга, а также глубокого от

этого удовлетворения, воспитывать своих домапро-
израстающих чад:

«Ты ж смотри, не пей пива, от него подростки са-
моубиваются».

А что же Екатерина Александровна?

А она, если бы Вова Ш. не попал бы в ее класс, ко-
нечно же, выполнила бы всю *обязательную про-*
грамму, требуемую к исполнению от всех подотчет-
ных чиновничьими соглядатаями, уполномоченны-
ми к этому *Химерой Воспитания*.

Как человек, умудренный опытом, она понимала,
что в этом Мире, увы, далеко от совершенства, но
далеко не так безнадежном, как это может иногда
показаться, за все надо платить: за свои успехи — за-
вистью других; за то, что тебя невозможно прези-
рать, тем, что зато тебя можно ненавидеть; за ра-
дость общения со своими учениками — отвращени-
ем от общения с чинушами от *Химеры Воспитания*.

Нужна вам бумага?

Нате.

Такую, какую хотели.

Надо еще — нате еще.

Ведь бумага — великая сила.

В обумажненном мироустройстве.

Игнорировать это обстоятельство нельзя.

Зато можно использовать.

В мирных, как говорится, целях.

Например, такая невзрачная на вид *бумаженция*,
как так называемое *ходатайство*.

От педагогического коллектива с/ш № NN на имя
зав. районо с просьбой предоставить бесплатную пу-
тевку в санаторий-профилакторий для ученика 4-го
«Г» класса той же школы Владимира Ш.

С этой-то бумагой, которую *пробила* у себя в школе Екатерина Александровна («Что? Опять!?!», — только и смог выдохнуть из себя многострадальный директор), *выбила* она таки в районо *просимое*.

Заодно еще и позитивную *резолюцию* на заявлении о включении Вовы Ш. в группу продленного дня с бесплатными обедом и «полдником».

Зав. районо тоже, как и директор школы № NN даже и не пытался сопротивляться: знал, что бесполезное это занятие.

Отказывать Екатерине Александровне в ее просьбах.

За других.

А за себя она никогда и не просила.

А вот от сидения в различных президиумах Екатерина Александровна всегда и всячески увиливала.

Несмотря на наличие у нее достаточного множества ну очень высоких правительственных наград.

Ведь наивысшей для нее наградой всегда были успехи и достижения ее учеников.

Да, не каждый из них стал *великим* и *выдающимся* человеком.

Но зато каждый стал *настоящим*.

Вова Ш. — не исключение.

Ведь с того дня, когда он впервые вошел в класс, где учительницей была Екатерина Александровна, началась у него новая жизнь.

И — продолжается.

По сей день.

Только теперь уже он полковник.

В отставке.

Мастер спорта по боксу (это звание — пожизненное).

За свои сбережения арендовал подвал, и с помощью своих подопечных, преимущественно — «неблагополучных» подростков, оборудовал в нем спортзал и тренажерный зал.

Где **бесплатно** тренируются у него и участвуют в различных соревнованиях ребята и девчата.

Его жена — сама спортсменка (теперь уже — физкультурница) — к делу мужа относится с полным пониманием и поддержкой.

Как и двое его детей и четверо (пока что) внуков и внучек.

Старшую звать Катя.

По взрослому — Екатерина.

По отчеству — Александровна.

Вот такое *резюме* остается после этой то ли были, то ли небыли.

А еще — *постфактум* — остаются цветы.

Георгины.

Которые Владимир Ш. носит на могилу своей Учительницы каждый год на День учителя.

И, естественно, на день ее памяти.

Вот такие дела.

Бессловные и безусловные.

«А слова?», — спросите Вы.

Действительно, с делами понятно.

А какое применение находила словам Екатерина Александровна, если для *Воспитания* она их не применяла, поскольку для нее Оно было неприемлемо как таковое?

И то, правда: за делами мы как-то забыли совсем про слова.

Наверстываем.

Во взаимодействии и взаимосодействии с ма-

леньким по росту и (или) по весу, и притом — юным по возрасту, но уже — с большой буквы Человеком все дела взрослого призваны служить одной единой цели: **помогать расти.**

Над неблагоприятными условиями.

Над неблагополучными обстоятельствами.

Над собственными страхами и слабостями, пред-
рассудками и предубеждениями, самое распростра-
ненное из которых: «Мне это не по плечу».

Ведь, как сказал Марк Аврелий, «если ты что-то дельное не можешь сделать, то это отнюдь не означает, что этого не может никто, но если кто-то это может сделать, то сие никак не означает, что этого не сможешь сделать ты» (см. его «Размышления»).

Дело взрослого Человека по отношению к не-
взрослому, но уже тоже Человеку — помогать.

«Помогать» означает **делать.**

Вместе.

И — ни в коем случае — **не вместо.**

Слова же взрослого при таком взаимодействии и
взаимосодействии предназначены для служения де-
лу **окрыления** невзрослого Человека.

**Окрыляться — это не значит отрываться
от земной основы, но означает уметь подни-
маться над ней.**

Над мелкими пакостями, исходящими от пышу-
щих злобой, ненавистью и завистью недоброжела-
телей, над крупными неприятностями, подстерегаю-
щими Человека на его жизненном пути.

**Подниматься над земной основой, сохраняя с
ней, полной опасностей и неприятных сюрпризов,
невидимую, но вполне реальную двухстороннюю
связь.**

Как у находящегося в небе пилота самолета с «землей».

Через диспетчерский пункт Опыта.

Через приборную панель Разума.

Обретаемых посредством взаимодействия с Учителем.

Не учащим.

Не поучающим.

Но вдохновляющим и помогающим учиться.

Глава II

«Insufferable child» — «Несносный ребенок»

— Гена! Ты что, плохо слышишь?

— Нет. Слышу я хорошо.

— Так почему же ты не делаешь то, что Я тебе сказала?!

— Не хочу.

Из разговора матери несносного ребенка с ним, несносным.

«А Вас я попрошу остаться», — обращаясь к Екатерине Александровне, казенным голосом произнес директор школы № NN Борис Лукич по окончании заседания *педсовета*.

«Тут такое дело», — поправляя вечно сползающие со вспотевшей переносицы очки, начал разговор Б.Л.

— Звонили из МИНИСТЕРСТВА и сказали, что нужно принять **именно** в Ваш класс сына одного очень высокопоставленного *ответственного работника* (был когда-то в ходу такой слово-оборот). Я, конечно же, сказал, что Ваш класс и так переполнен, но на том конце провода меня даже не захотели

слушать.

В общем, с понедельника этот ученик прибывает со всеми документами в нашу школу. В Ваш класс. Готовьтесь. Судя по всему, это будет очередной «the insufferable child».

— Вы же знаете, Борис Лукич, что «insufferable», как, собственно, и «terrible» бывают только «parents».

— Да, да, конечно. Я знаю эту *Вашу* точку зрения. Но тут совершенно **другой** случай: прекрасные — образованные, цивилизованные, воспитанные — родители, и — тут такое горе! — совершенно неуправляемый ребенок!

— Значит, случай не *другой*, а вполне даже тривиальный.

— О! Так Вы поможете?

— Ребенку — обязательно.

— А родителям? Для нас же главное — помочь родителям! Ведь именно на это нас нацеливает ЗВОНОК из МИНИСТЕРСТВА!

— А родителям — как получится. У них. Будут стараться измениться в нужную сторону — все у них получится.

— Так изменяться в нужную сторону должен ребенок! Впрочем, Вы, как всегда, оперируете парадоксами. Что ж, не буду Вам мешать. В конце концов, нам нужен результат. Исключительно положительный. Надеюсь, Вы знаете, что и как для этого нужно делать и сделать.

— Будьте покойны.

На том и разошлись.

До завтра.

Назавтра встретились.

За четверть часа до начала занятий.

В том же составе плюс «the insufferable child», плюс его высокообразованная, хорошо *воспитанная* и тщательно ухоженная мать.

Из *Мира Небожителей*.

Как они сами себя *про себя* называют.

А вслух они себя называют *элитой*.

Из того *Мира*, в котором у всех все есть.

А если чего-то и нет, то это будет куплено.

Тотчас же.

По принципу: «Не откладывай на завтра покупку того, что хочется купить сегодня».

Где жизнь *великосветской дамы* протекает между *шопингом* и *шейпингом*, *коктейлями* (не *Молотова*) и *светскими раутами* (или же тем, как тогда все это называлось).

Не будем передавать здесь перипетии общения представителей разных *Миров*.

Отметим только, что из всего того, что чрезвычайно пылко и страстно было произнесено матерью «несносного ребенка» с целью характеристики его *несносности*, удалось вычленить то, что он:

— во-первых, дерзит, грубит и хамит взрослым — прежде всего — своим родителям;

— во-вторых, демонстративно игнорирует все их *наставления*;

— в-третьих, после нескольких лет занятий в музыкальной школе наотрез отказывается далее ее посещать;

— в-четвертых, он запирается на ключ в своей комнате и заявляет о том, что если кто-то силой попытается лишить его такого права, то он сбежит из дома;

— В-ПЯТЫХ,...

Впрочем, уже перечисленного оказалось вполне достаточно, чтобы родители Гены К. (условно назовем его так) вынесли ему свой вердикт: *совершенно отбившийся от рук* несносный мальчишка, которого требуется крайне незамедлительно *поставить на место*.

Сделать это — *по их же мнению* — просто *обязана* Екатерина Александровна, ведь на то она и заслуженный учитель страны.

То есть, перед ней предстал классический клинический, патологический случай.

Во всей его сомнительной *красе*.

Со всеми его атрибутами.

Иными словами — неотъемлемыми признаками.

Однако, и «клиника» и «патология» здесь исходят отнюдь не от ребенка.

А как раз — совсем наоборот.

И лечить тут надо бы, естественно, вовсе не ребенка.

А как раз — совсем наоборот.

Но как им, тем, которые поставили себя «по ту сторону» своего ребенка, это объяснить?

Ведь не поверят же!

Как достучаться до их сознания?

Как достичь осознания ими того, что это они своими руками, ногами и всем иже с ними сами создали два параллельных мира: свой собственный и ими же противопоставленный ему мир своего ребенка?

Ведь теперь в результате именно их действий эти два мира не только не соприкасаются, но и стремительно отдаляются друг от друга, как разбегающиеся

галактики.

Как им это объяснить, и как им это доказать?

Попробуем.

Было время, когда их совсем еще маленькому ребенку ну очень-очень хотелось, чтобы мама читала на ночь сказку, а маме именно в тот час, как, впрочем, и в любое другое время, было *недосуг*.

То есть, не до того ей было: у нее были совсем другие, значительно более *важные, срочные и неотложные* — как ей всегда казалось — *дела*.

То с маникюршей-педикюршей, то с парикмахершей-головомойкой, то с закройщицей-портнихой.

Да и светские тусовки пропускать ну никак нельзя, иначе, *что подумают люди?*

Так что, извини, сынок, сказку тебе читает *гувернантка*.

А ребенок не хочет, чтобы *гувернантка*: она читает, а сама на часы поглядывает, ведь у нее в контракте четко прописано ее *рабочее время* — до 21:00.

И ровно в прописанный час *гувернантка* удалялась восвояси с чувством честно отработанного времени и не менее честно заработанных денег.

А маленький мальчик с взрослым именем *Геннадий* в одиночестве плакал навзрыд в подушку.

От того, что он-то ведь человек, хотя и маленький, но относятся взрослые к нему исключительно как к *вещи*.

Которую — когда надо — можно достать из пыльного чулана, хорошенько встряхнуть и по надобности использовать: «А сейчас, дорогие гости, наш сын сыграет для Вас что-нибудь на рояле!».

Особенно хорошо идет *под водочку* «Лунная соната» Людвига Ван Бетховена и вальсы Шопена.

Оно *навевает*.

Нечто *такое-этакое*.

Что способствует и пищеварению, и его *облагораживанию*.

А когда надобность в способствующей акту активизации работы пищеварительного тракта и притом — *облагораживающей* сей процесс «вещи» исчерпывается, засунуть ее обратно в пыльный чулан.

Сыграл?

Сыграл.

Молодец!

«А теперь — поди-ка, поиграй к себе в комнату».

И «вещь» отправляется на свою «полку».

А еще на этой «вещи» можно заработать.

Либо — деньги, как это делает гувернантка, либо — *имиджевые рейтинговые баллы*, как поступает его учительница по классу фортепьяно, либо — удовлетворение собственного тщеславия, как это *выходит* у родителей *Геннадия*.

Вот они-то испытывают пароксизм самодовольства, когда *их сын* на *академическом концерте* в музыкальной школе *лучше всех* (конечно же, а как же иначе!) исполняет на рояле что-то из Глюка: «А Ирочка-то С. (дочка директора самого крупного в стране мясокомбината) мало того, что толстушка до неприличия, так еще и пять раз сбилась, пока сыграла этюд Гедике!».

Чем не повод для вящей радости родителей *Геннадия*?!

И невдомек им, что на усладу их тщеславия *Геннадий* — по требованию учительницы по фортепьяно, маниакально стремящейся к славе первоклассного музыкального педагога, — полгода своей жиз-

ни фактически угробил на повторение до одури одних и тех же пассажиров из одних и тех же композиторских опусов.

Да, действительно, Антонио Паганини доводил своего сына Николо до иступления, до каталепсии, истошными воплями, пинками и подзатыльниками заставляя того «денно и ночью» *музицировать, музицировать и еще раз музицировать.*

Однако, во-первых, далеко не все, кого именно так учили музыке, стали великими музыкантами, и, во-вторых, далеко не факт, что Никколо Паганини не стал бы великим музыкантом без применения к нему истошных воплей, пинков и подзатыльников.

То, что нет у Гены К. никакого *ван-клибернского* таланта, он давно уже сам понял, но убедить своих родителей в этом было затеей, заведомо обреченной на провал («Ты что, с ума сошел?! Сколько денег мы угрохали в тот *концертный инструмент*, на котором ты играешь дома, ты знаешь?! А сколько денег уже заплачено за учебу в музыкальной школе?! А сколько подарков отнесено ее преподавателям, завучу и директору ты посчитал?! ИЛИ тебе назвать эти цифры?!?!!»).

Не хотел *Геннадий* никаких цифр.

А хотел он, нет — страстно желал, нет, он просто мечтал о том, чтобы его папа взял его на рыбалку.

С ночевкой.

Под открытым небом.

На такую, про которую захлеб рассказывали двое его одноклассников — братья-близнецы — Саша и Паша.

На такую, когда днем на лугу возле озера — никогошеньки вокруг, кроме сосредоточенно гудящих

шмелей и весело стрекочущих кузнечиков, и можно бегать наперегонки по свежеумытой росой траве бо-
сиком.

А вечером есть обжигающе горячую ушицу, вкус-
нее которой нет ничего на свете.

А потом неспешно пить непередаваемого аромата чай, заваренный на молодых стеблях дикорастущей ожины (она же — ежевика).

И — слушать рыбацкие байки.

Про пойманных или якобы пойманных рассказчиком двухметровых сомов и пятикилограммовых пузатых карпов.

И — смотреть на взлетающие ввысь искры от костра.

И — на светлячков, грациозно кружащих свои хороводы.

А еще — на звезды.

Со всех сторон глядящие на тебя.

Прямо из Вечности и Бесконечности.

А когда они падают с неба — загадывать желания.

Под самозабвенное курлыканье лягушек.

А спозаранок — когда и утра-то еще толком нет — угадывать, а какая это птица сейчас поет?

Первой.

Соловей или жаворонок?

А потом увидеть и вовсе невероятное: Чудо рождения Восходящего Солнца!

Не сердитесь на людей, сказавших и написавших, что в этом Мире есть *микрокосм* — это человек и *макркосм* — это Вселенная.

Просто этим людям, по-видимому, не посчастливилось ни разу в жизни побывать на рыбалке с но-

чечкой под открытым небом.

А если бы посчастливилось, то им бы открылось, что крохотное по своим геометрическим параметрам — в сравнении со Вселенной-то! — существо, именуемое человеком, способно вместить в себе всю Ее целиком.

Более того, оно, это существо, вмещает в себя еще одну Вселенную, которой за пределами этого крохотного существа просто не существует: Вселенную человеческого отношения.

Ко всем людям, которые живут, жили, и будут жить в этом Мире, увы, далеко от совершенства, но, к счастью, далеко не так безнадежном, как это иногда нам кажется.

Ко всем живым существам, которые обитают, обитали, и будут обитать в этом Мире.

Ко всему тому, что в Нем есть, было и будет.

И не только на Земле.

И Вы продолжаете настаивать на том, что человек — это *микрокосм*?

Что-то наподобие микроба?

Или — бактерии?

Или — фага?

В таком случае сходите на рыбалку с ночевкой под открытым небом.

Чем раньше, тем лучше.

Пока еще не стало совсем поздно.

И — поделитесь своими впечатлениями.

С тем, с кем Вы считаете *уместным*.

Ведь место уму и подлинно человеческим чувствам — Везде.

А время ума и подлинно человеческих чувств — Всегда.

Екатерина Александровна так и сделала — по уму.

И — по совести.

В тот день, когда Гену К. привели в ее класс, — а было это в самом начале сентября, — она провела классное сочинение.

На тему: «Какие мои мечты не успели сбыться за прошедшее лето?».

И — всё!

И человек, искренне, честно и откровенно написавший такое сочинение, предстает перед своим читателем, **как на ладони**: со всеми своими *жизненными приоритетами и ценностными ориентирами*.

И не надо быть ни дипломированным психотерапевтом, ни лицензированным психоаналитиком, чтобы узнать и понять, какие проблемы мучают человека, написавшего такое классное сочинение, к чему он стремится в жизни, и что ему мешает в осуществлении его устремлений.

А, узнав и поняв, — помочь.

Ему.

Или — ей.

Разобраться.

С его или ее проблемами.

Иначе зачем тогда взрослые невзрослым?

У *ответственного же работника*, являющегося — по совместительству — отцом Гены К., было несколько иное представление обо всех этих «вещах»: обеспечить солидное материальное благосостояние семьи — в общем, и каждому из ее членов в частности — вот главная его задача.

Как ему кажется.

Что сверх того, то, как говорится, «от лукавого».

Поэтому и ездил он на рыбалку только с *нужными людьми*.

К числу которых, *естественно*, его сын не относился.

И — не только на рыбалку.

А еще — и на охоту, как правило, на два дня.

И — в сауну, обычно — до утра.

Исключительно *убедительно* объясняя своей жене, что именно *там* решаются самые животрепещущие деловые вопросы.

То есть, там, где «без галстуков».

Как минимум.

А там, где «при галстуках», там принятые решения только оформляются официально.

Якобы так.

Насколько этому можно верить — кто его знает?

В любом случае жены *высокопоставленных рыбаков-охотников-парильщиков*, как правило, получают солидную материальную компенсацию.

За понесенный ими «моральный ущерб».

А дети?

А дети остаются, как правило, «при своих».

При тех обещаниях, которые им когда-то были дадены.

Дадены да недодадены.

Ведь *родитель*, обещая что-либо своему ребенку, не обещает, что он выполнит свое обещание, не так ли?

Так какие, спрашивается, к нему могут быть претензии?

Оказывается, могут-таки быть.

И обязательно будут.

У кого?

У его сына.

Того самого, которому он постоянно внушал, что врать и обманывать — это нехорошо.

А сам постоянно ему врал и его обманывал.

Если только вообще с ним общался.

И если от своей жены *высокопоставленному* мужу еще как-то удастся откупиться деньгами, особенно, при условии не особо вмешиваться в *ее личную жизнь*, достигая тем самым некоего молчаливого взаимного согласия — паритета на некие *шалости*, то с сыном такие проделки не проходят.

Никакими покупками никаких игрушек — будь то электронные или не-электронные — не компенсируется дефицит настоящей мужской дружбы отца с сыном.

Даже котенок или кутенок, взятый в семью, хочет, чтобы с ним играли.

Пусть даже в самые простые и незамысловатые игры.

А тут — человек, пусть и маленький, но вполне настоящий!

Да, конечно, как только он обретает способность самостоятельно передвигаться в окружающем его пространстве, он может какое-то время уединенно проводить в мире своих собственных фантазий, строя себе пещеры в платяном шкафу или комод.

Вытаскивая оттуда и разбрасывая по полу все *лишнее* — сложенное в аккуратные стопки постельное и нижнее белье, альбомы с семейными фотографиями и папки с документами.

Вам это не нравится?

Вас это раздражает?

Вас это возмущает?

Сердитесь на себя: это не Ваш ребенок, а Вы сами не сочли нужным, или — забыли, или — не успели, что никоим образом не снимает с Вас ответственности — закрыть створки шкафа или ящики комода на ключ.

Вы пребываете в совершенном отчаянии оттого, что Ваш ребенок разрисовал разноцветными фломастерами только что поклеенные дорогостоящие обои?

Ну и кто Вам в этом виноват?

Обои?

Фломастеры?

Ребенок?

Дудки-с!

По совершенно логичной логике ребенка, **если есть чемрисовать, то на чём всегда найдется**, в чём Вы можете легко сами убедиться, оставив своего ребенка *нежного* возраста один на один с пачкой фломастеров.

Мальчики при этом отдают предпочтение созданию настенных панно.

В стиле Давида Сикейроса и Хосе Клементе Орско.

О чем ни первые, ни вторые даже не догадываются.

Девочки...

Девочки ближе к жизни.

Реальной.

Они пишут автопортреты.

То есть, портреты самих себя.

На самих себе.

При этом губы красятся красным фломастером, глаза обводятся синим или зеленым: все, как у ма-

МЫ.

Если же у Вас — покамест — нет ребенка — не беда: во-первых, значит радость его появления в Вашей жизни еще впереди; и, во-вторых, постарайтесь вспомнить себя в самом **нежном** своем возрасте.

Либо самостоятельно, либо по рассказам о Вашем самом раннем детстве Ваших папы и мамы, а еще лучше — дедушек и бабушек, поскольку их память всегда наполнена такими эпизодами, что называется, *под завязку*, и находится в постоянной готовности их выдать, что называется, «на горá».

Однако, как только папа или мама, дедушка или бабушка предлагают — пусть даже самому расшалившемуся ребенку — поиграть, например, в прятки, то с ним тотчас же происходит удивительная метаморфоза.

По первому же зову взрослого, мобилизовавшего совсем еще не-взрослого на игру, *мобилизованный* сразу же будет готов быстро-быстро собрать все разбросанное им и сложить все в кучу — у него это будет называться: *на место*, — только бы с ним поиграли.

И будет с замиранием сердца ждать, когда его не найдут, а если не-находят слишком долго и спрашивают: «Сынок (чаще — внучок), где ты?», — то он, не в силах сдержать своих чувств, воскликнет: «Папа (чаще — деда), я тутá!».

И что, спрашивается, может быть светлее и радостнее для ребенка, чем такая незамысловатая игра?

Да ничего!

Разве что — другая игра, столь же незатейливая и столь же светлая и радостная.

Только вот знает ли об этом его отец — *высокопоставленный* и вечно уставший от своих *суперважных* дел?

Готов ли он нести своему ребенку эту светлую радость и приобщиться к ней?

Это — вряд ли.

А мама ребенка?

Вечно отягощенная, и чем дальше, тем больше — в силу естественных причин — заботой о каждой *успешной самопрезентации*, она — как? Готова?

Еще более чем сомнительно.

А если при этом дедушек-бабушек, как говорится, «иных уж нет, а те — далече», тогда — как?

А тогда — никак.

Никак не будет никакая *фрекен Бок* играть с малышом в прятки или, тем более — чур ее, чур! — в снежки, или — кататься с ним с горки на лыжах.

А близнецы — сверстники и одноклассники Гены К. — Саша и Паша — в хорошую зиму и в снежки со своим папой играют, и на лыжах с ним катаются.

Как-то раз они пригласили Гену на свой десятилетний юбилей — один на двоих.

И между «горячим» и «сладким» всей собравшейся за столом гурьбой высыпали во двор, а там снегу насыпало — по колено!

Мягкого и влажного!

Как раз такого, что снежную бабу лепить — то, что надо!

И построили они Снежную Крепость.

И «разбились» на две команды: одна с предварительно наклепленными снежками в руках штурмует Крепость, другая, соответственно, стрельбой такими

же снежками доблестно ее защищает.

А потóm — наоборот.

А еще потóm — с набитыми «сладким» ртами взахлеб и наперебой рассказывали друг дружке о своих подвигах при защите-взятии Крепости, и если кто-то в ней проигрывал, то тут же находил тому исчерпывающее объяснение: «Да, конечно, за вас же напал (оборонялся) Саши-Паши папа!

И все сразу же становилось на свои места: «Если папа, то — конечно!».

Ведь каждый ребенок видит своего папу исключительно самым сильным («А вот я позову МОЕГО ПАПУ, и он как даст твоему папе!»), самым смелым, самым ловким и самым умелым («Вот какой лук со стрелами сделал МНЕ МОЙ ПАПА!»).

А еще — самым умным («МОЙ ПАПА все знает!»).

А мама?

А мама — всегда самая-самая красивая!

И — самая-самая добрая!

Гена, вприпрыжку скача «на своих двух» с юбилея Саши и Паши, переполнялся сладким предчувствием того, как он будет рассказывать своей маме о том, как они замечательно поиграли во «Взятие снежного городка» (см. одноименную картину Василия Ивановича Сурикова, о существовании которых в то время Гена даже не подозревал).

Однако...

— «Ты где шлялся?!», — с искаженным от гнева лицом, прямо с порога ошарашила Гену вопросом его *самая красивая и самая добрая* мама. Ты же сказал, что идешь на день рождения!!

— Так я на нем и был!!

— А почему куртка такая грязная??!! Я же только

что ее купила! Она же совсем новая!! Была!!!

— Она не грязная, а влажная. Она просто не успела высохнуть!

— Ты что, в ней купался??!!

— Нет, мы играли!

— Во что вы играли?! В кораблекрушение?!!

— Нет, мы играли в штурм Снежной Крепости! И с нами играл папа Саши и Паши!!

— Больше ты к ним не пойдешь. Еще не хватало ангину подхватить. Или — воспаление легких. Круглозное.

— Но ведь они пригласили меня пойти с ними в следующее воскресенье кататься на лыжах с горки!

— Тем более. Развесь аккуратно на полотенцесушитель и на батарее все свое мокрое, помой руки и садись разучивать гаммы. Берта Иосифовна жаловалась на тебя, что ты недостаточно внимания уделяешь гаммам. Особенно — хроматическим. И — расходящимся.

— Не хочу. И — не буду. НИКОГДА!

Занавес.

Мужайся, Геннадий.

Теперь у тебя впереди долгие и мучительные походы — в сопровождении! — по кабинетам, где дипломированные *психотерапевты* и лицензированные *психоаналитики* разными, но одинаково вкрадчивыми голосами будут разговаривать с тобой, как с дебилом, а твоим родителям будут писать на бумажке авторучкой системы Parker суммы аванса в свободно конвертируемой валюте.

Родители, конечно же, будут сначала рады, ведь, как известно, если проблему можно решить за день-два, то это не проблема, а всего лишь расходы.

Зато потом, с течением времени, когда расходы будут расти, а «воз», как говорится, будет «и ныне там», начнутся скандалы: родителей Гены с *психологическими*.

Теперь уже называемыми родителями Гены совсем другими словами, самое приличное из которых: «Шарлатаны!».

И продолжалась бы такая ситуация невесть сколько, если бы не нашлась добрая душа, и не подсказала бы родителям *Геннадия*, что обратиться следует, естественно, через определенные каналы, именно к Екатерине Александровне — как сейчас сказали бы — «кризис-менеджеру по особо запущенным случаям».

Сказано — сделано.

Как оказалось — не зря.

Екатериной Александровной была представлена перед родителями Гены по сути дихотомичная альтернатива: либо они будут продолжать *воспитывать* своего сына — в присутствии им духе, — и тогда он возненавидит их окончательно.

Вытравив из себя последние остатки сыновней любви.

И — пустится «во все тяжкие», используя родителей исключительно как ходячую кредитную карточку и палочку-выручалочку.

При его вляпывании в различные инциденты.

Либо же они все же прислушаются к *голосу души* своего сына и, наконец-то, услышат его.

Ко взаимной вящей радости.

Вняли.

Учли.

И сегодня они счастливо нянчатся со своими обо-

жаемыми внуками и внучками: Геннадиевичами и Геннадиевнами, играя с ними в прятки и другие азартные игры, а перед сном читая и рассказывая им добрые сказки.

В снежную зиму дети Геннадия катаются с ним с горок: те, кто постарше — на лыжах, кто помладше — на санках.

И их мама совсем не их ругает, когда домой они приходят все мокрющие — лишь бы батарей в доме хватило для просушки промокшего.

В погожие летние дни они всей гурьбой выезжают на рыбалку с ночевкой под открытым небом: бегать по свежеумытой росой луговой траве; вкушать горячую ушицу и чай, заваренный на молодых побегах дикорастущей ожины (она же — ежевика); смотреть на звездное небо, а потом — становиться свидетелями Чуда рождения Восходящего Солнца.

Мир этому Миру и всем, входящим в Него!

Глава III

«Child-destroyer» — «Ребенок-разрушитель»

— *Зачем ты сломал свою новую игрушку?*
— *Я хотел узнать, что у нее внутри.*
Из разговора мамы ребенка-разрушителя с самим разрушителем.

Допустим, Вы, уважаемая Читательница (в данном случае — именно так), решили сделать приятное своему ребенку.

На день его рождения.

Или — просто так.

В силу порыва своей души (вспомним, как сказано у Пушкина А.С. в его стихотворении «К Чаадаеву»: «Души прекрасные порывы!», — то ли восторг тут выражен, то ли призыв?).

Не повод тут важен.

Главное — что решили.

И сказали себе: «А куплю-ка я своему ребенку игрушечную железную дорогу».

С тепловозиками-электровозиками, вагончиками, семафорчиками, туннельчиками, мосточками и прочей разнообразной *игрушечно-железнодорожной*

всячиной.

Пусть ребенок порадуется!

Тем более — «мой! — родимый и ненаглядный».

Так Вы решили.

Ведь прекрасный порыв Вашей души был вполне созвучен с невысказанной Вашим ребенком, но прочувствованной Вами его мечтой.

Ее Вы прочли в его глазах, когда были в гостях у Ваших друзей, которые подарили своему ребенку почти такую же железную дорогу.

Только та была поменьше, попроще, и, соответственно, подешевле.

Вы же купили такую, которая и побольше, и посложнее, и, естественно, подороже.

И — о радость!

Только увидев, пусть даже еще в упаковке, принесенное Вами СОКРОВИЩЕ, Ваш ребенок воссиял даже не от восторга — от счастья!

Полнейшего!

Ни с чем не сравнимого!

Как говорили в таких случаях, или, по крайней мере, хотели сказать, но не успели мудрые, хотя и древние римляне: «Beati, qui beatus sit, nostis» — «Блаженны, умеющие быть счастливыми!»

«Какое же это счастье: видеть своего ребенка счастливым!», — подумалось Вам, промокая украдкой платочком невесть откуда взявшуюся на Ваших ресницах влагу.

Хорошо-то как, правда?

Конечно же, правда.

Но, увы, не вся.

А вся правда открылась перед Вами, когда Вам уже показалось, что все получилось как нельзя луч-

ше.

Вот как раз тут-то и началось.

Непредвиденное.

Непредсказуемое.

Невероятное.

По крайней мере — для Вас.

Прижав свое СОКРОВИЩЕ к груди, Ваш *ребенок* стремглав метнулся в комнату, где — со всей доступной ему прытью — стал монтировать на полу подаренную Вами конструкцию.

Не желая ни мешать ему, ни отвлекать его, полностью увлеченного появившимся у него *крайне важным делом*, Вы со спокойной совестью и с «чувством глубокого удовлетворения», почти на цыпочках вышли из комнаты на кухню, где у Вас уже накопилось своих дел, как говорится, невпроворот.

И тут мерное, умиротворяющее Вашу душу жужжание действующей в штатном режиме игрушки сменилось неожиданной тишиной.

Сначала Вы просто не придали этому значения: «Ну не жужжит и не жужжит. Мало ли почему?»

Когда же подозрительная тишина стала угрожающе затяжной, она тотчас же приобрела некий зловещий смысл.

Не желая верить самым худшим из своих предчувствий, Вы заглянули в комнату, и — О, УЖАС! — Вашему взору открылась *страшная* картина: на полу сидит Ваш ребенок, а в руках у него — в одной — папина отвертка, в другой — папины же плоскогубцы, а между ними — лежащий на ковре кверху дном... блестящий свежей заводской краской и доламываемый Вашим сыном игрушечный электрозвонок.

Вы можете себе это представить?!

Да?

Тогда — представьте.

Из глубин Вашего подсознания сразу же всплывает явственный образ товарного чека, полученного Вами вместе с покупкой дорогушей, хотя и игрушечной железной дороги.

Обидно, да?

Горше всего то, что Ваш ребенок даже не представляет себе всей ценности того, от чего Вам довелось отказаться ради его весьма кратковременного удовольствия какой-то час поиграть дорогушей игрушкой.

Да как же так можно?!

Все Ваше естество категорически протестует против такого, совершенно дикого и бессмысленного (на Ваш взгляд), совершенного Вашим ребенком варварства.

Более того — вопиющего вандализма!

Оно, Ваше естество, просто отказывается признавать правомерность такого безобразия.

И, тем более, принимать его как должное.

Конфликт?

Конфликт.

Как говорится, *налицо*.

Тут же Ваше лицо невольно наливается краской негодования, которое Вы уже готовы выплеснуть на виновника произошедшего чрезвычайного происшествия.

Видя те бурные и угрожающие перемены, что случились с Вашим лицом, Ваш ребенок интуитивно ощущает, что происходит что-то *неладное*.

Но — не может уловить причину происходящей